

УДК 821.161.1

Образ девушки Лизы как один из сквозных образов русской классической литературы

Головченко Галина Александровна

Соискатель, кафедра русского языка и теории словесности,
Московский государственный лингвистический университет,
119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38;
e-mail: galka_85@inbox.ru

Аннотация

В статье рассмотрен образ девушки Лизы как героини русской классической литературы XVIII – XIX веков. Рассмотрев происхождение и литературную генеалогию героини Лизы (Элизы, Луизы), автор переходит к рассмотрению наиболее значимых образов Лизы в прозе рассматриваемого периода: образа *бедной Лизы* Н.М. Карамзина, Лизы-Акулины («Барышня-крестьянка») и Лизаветы Ивановны («Пиковая дама») А.С. Пушкина, Лизы Калитиной («Дворянское гнездо») И.С. Тургенева. Автор приходит к выводу о том, что Лиза после повести Карамзина обрела в русской литературе и определенный характер, и социальное положение, и, самое главное, сюжетную роль: девушка, которой не суждена счастливая влюбленность.

Ключевые слова

Лиза, Елизавета, «Лизин» текст, классическая русская литература, сентиментализм, интертекстуальность.

Введение

Девушка по имени Лиза стала одним из сквозных образов русской литературы; более того, «поэтоним

Лиза в русской языковой картине «богат» культурными коннотациями»¹.

¹ Горнакова Л.Ю. Аллюзивный русский поэтоним Лиза: опыт интертекстуального и лингвокультурологического анали-

В истории насчитывается несколько традиций употребления этого имени, сформировавших контекст для рождения образа, своего рода «литературного жития» *Лизы*, отмеченного темой страданий, жертвенности, несчастной любви. По выражению П.Вайля и А.Гениса, «на почве, увлажненной слезами бедной Лизы, выросли многие цветы сада российской словесности»².

Имя имеет еврейское происхождение, имя Елизавета (греко-латинский вариант еврейского *Elisheba*) теофорно; оно переводится как «Бог–моя клятва», «Бог есть клятва ее»³. Л.Ю. Горнакова, исследовавшая историю вопроса в лингвокультурном ключе, замечает: «Этимология не дает нам какой-либо информации по поводу имяупотребления в художественном тексте, поэтому нам представляется правильным рассматривать имя

Лиза как условный знак, подбираемый по законам звукописи»⁴; однако, по нашему мнению, этимология «Бог есть клятва ее» может содержать указание на верность и положительную окраску образа Лизы, актуализирующиеся в произведениях русской литературы.

Имя Лизы/Элизы в литературе до Н.М. Карамзина

Собственно литературная традиция употребления имени Лизы для русской традиции начинается с возлюбленной Абеяры Элоизы. Вероятно, именно эта героиня внесла в образ Лизы важнейшие составляющие: тему страстной любви и препятствий к ее счастью; высокие интеллектуально-духовные достоинства и душевные качества носительницы данного имени.

Эти тенденции подчеркнуты в названии романа Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» (1761), повествующем о судьбе любви благородной девицы к плебею. В.Н. Топоров указывает, что *Новая Элоиза*, как симво-

за: дисс. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2010. – С. 70.

2 Вайль П., Генис А. Наследство «Бедной Лизы». Карамзин // Вайль П., Генис А. Родная речь. – М., 1991. – С. 15.

3 Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет. – М., 1995. – С. 395-396; Горнакова Л.Ю. Аллюзивный русский поэтоним Лиза: опыт интертекстуального и лингвокультурологического анализа: дисс. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2010. – С. 71.

4 Горнакова Л.Ю. Аллюзивный русский поэтоним Лиза: опыт интертекстуального и лингвокультурологического анализа: дисс. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2010. – С. 71.

лическое имя, «составляет, пожалуй, центр «художественной» части «Лизина» контекста»⁵ в русской литературе конца XVIII – начала XIX в.

Немаловажна связь между *Элоизой* Руссо и *бедной Лизой* Карамзина. Моральное превосходство Юлии над незадачливым Сен-Пре сохраняется и в повести Карамзина; однако случайная смерть Юлии заменяется самоубийством Лизы – «трагической развязкой, более естественной в положении покинутой»⁶; однако в обоих текстах роковую роль играет водоем, пруд. В целом обе повести, рассказывающие историю любви и обольщения, слабого обаятельного героя и страдающей гибнущей возлюбленной, имеют немало перекличек в сюжете и композиции, а также в образах главных героев. Вместе с тем социальный конфликт, важный для понимания произведения Руссо, у Карамзина затушеван и передан в аспекте руссоистской идеи о разлагающем влиянии цивилизации.

До конца XVIII в. имя *Лиза* весьма редко встречалось на страни-

5 Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет. – М., 1995. – С. 397.

6 Розова З.Г. «Новая Элоиза» Руссо и «Бедная Лиза» Карамзина // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. – Л.: Наука, 1969. – С. 263.

цах русской литературы: «Исключения немногочисленны, и эти редкие Лизы были, как правило, иностранного происхождения»⁷. Интересно отметить, что имя *Лиза*, которое воспринималось в этот период скорее как иностранное и литературное, в отличие от других подобных – Аглай и Дорид, Кларисс и Раис, – «сумело преодолеть связанную с ним условность и литературную этикетность, пробиться в жизнь, обрести новые смыслы и функции и, покинув свой избранный, но тесный круг, присоединиться к именам, которые скоро станут определяющими в русской литературе: Маша, Даша, Наталья, Татьяна и др.»⁸.

Прямыми предшественниками образа Лизы у Карамзина стали *Лизы* литераторов первого ряда, близких к нему по творческим установкам; это прежде всего М.Н. Муравьев и Дмитриев. Муравьев в своих стихах как использует имена реально существовавших женщин («Письмо к А.М. Брянчанинову на смерть супруги его Елисаветы Павловны», 1775), так и художественно откликается на *Бедную Лизу* Карамзина («К Музе», 1790-е).

7 Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет. – М., 1995. – С. 400.

8 Там же. – С. 402.

Дмитриев использовал имя *Лизы* во многих своих стихотворениях, эпиграммах. Так, ситуация из стихотворения «К***, которая хотела испортить часы» (1788) повторяется, также в связи с именем *Лизаньки*, а начале «Горя от ума». Общая тематика, связанная с именем Лизы, так или иначе, – страстная, нерассуждающая, неразумная подчас любовь («Счет поцелуев», 1791); презрение к богатствам («Видел славный дворец», 1794).

Значение имени и образа Лизы в творчестве Н.М. Карамзина

По верному замечанию В.Топорова, «в центре «Лизина» текста стоит, конечно, сам Карамзин и прежде всего его «Бедная Лиза»⁹. Имя Лизы играло большую роль не только в литературном контексте, но в самой жизни Карамзина. В центре «жизненного» текста *Лизы* у Карамзина – его первая жена Елизавета Протасова, на которой он женился в 1801 г., но с которой до этого был знаком 13 лет. Эта Лиза из жизни Карамзина обладает некоторым доходом, но она также *бедная*: слаба здоровьем; вскоре после рождения дочери Софии, в 1802 году, она скончалась. Карамзин был пре-

исполнен скорби. Свою последнюю дочь, родившуюся в 1821 г. от второй жены, Екатерины Колывановой, он также назвал *Лизой*.

Как отмечал В.Н. Топоров, «1792 – отмеченный год не только в истории русской литературы, но и в литературном освоении имени Лиза, в осознании особой остроты его знаковых коннотаций, в формировании некоей культурно-эстетической престижности, с этим именем связываемой»¹⁰. Имя Лизы со времен «Бедной Лизы» стало знаком эпохи сентиментализма.

Незамысловатый сюжет повести раскрывает образ героини как девушки небогатой, но трудолюбивой. Благородные намерения дворянина Эраста, очарованного ее красотой и плененного добрым нравом, переходят в банальную историю соблазнения невинной девушки. Вскоре ее возлюбленный оказывается помолвлен на богатой вдове, и потрясенная Лиза топится в пруду. Главные черты образа Лизы – умение любить искренне и сильно, несмотря на сословные препятствия, пылкость и горячность, то есть та чувствительность, которая была важнейшей особенностью героев литературы сентиментализма, причем у Карамзина такой чувствитель-

9 Там же. – С. 410.

10 Там же. – С. 423.

ностью обладает не дама из высшего общества, а девушка простого звания.

Новым в образе Лизы у Карамзина было не только смелое утверждение равноправия чувств – «И крестьянки любить умеют». Карамзин совершил новаторский шаг, выведя самоубийство от любви как возможную тему литературы. Ведь, по замечанию Ю.Лотмана, ранее «литература, посвященная темам любви, – как поэзия, так и проза, – обладала в XVIII веке устойчивым, но весьма ограниченным набором сюжетных ситуаций»; в то время как «падение» женщины, самоубийство от любви, любовный треугольник или инцест, оказывались вне литературной любви, которая напоминала сборник шахматных этюдов. Карамзин (следуя за Руссо и предромантической литературой) широко вводил в свои произведения тематику «заблуждения сердца». «Читатели 1790-х годов воспринимали это как головокружительную смелость автора»¹¹.

То, что самоубийство героини не было осуждено автором, само по себе было новаторским ходом в литературе, связанным с вертерианскими влияниями и переворачивающими представления православного читате-

11 Лотман Ю. Сотворение Карамзина. – М.: Книга, 1987. – С. 192.

ля. Ю.Лотман приводит следующий пример: «уж совсем неожиданными были заключительные слова: «Таким образом скончала жизнь свою прекрасная душою и телом. Когда мы там, в новой жизни увидимся, я узнаю тебя, нежная Лиза!». Современные нам читатели не чувствуют степени вызывающей кощунственности этих слов, в которых «новую жизнь», т. е. душевное спасение, Карамзин своей волей дарует самоубийце, окончившей жизнь без покаяния и похороненной в неосвященной земле»¹². Новым для русской литературы стало и существование автора в одном повествовательном пространстве с героями.

Бедная Лиза стала знаковой фигурой сентиментализма в русской культуре, невинной жертвой сильного чувства. Имя Елизавета стало одним из самых популярных дворянских женских имен в первой половине XIX века¹³. Среди множества поэтов и писателей, затронувших образ Лизы после Карамзина, были Н.Ильин, Б.М. Федоров, Державин, Капнист, Мерзляков, Д. Давыдов, Батюшков и многие другие.

12 Лотман Ю. Сотворение Карамзина. – М.: Книга, 1987. – С. 194.

13 Карпенко Ю.А. Пушкинский ономастикон. Повести Белкина // Русское языкознание. Вып. 2. – Киев, 1981. – С. 85.

Лиза как героиня прозы А.С. Пушкина

А.С. Пушкин стал прямым наследником Карамзина в деле создания русской классической прозы, ее языка и стиля. Образ Лизы и сюжет «Бедной Лизы» становится источником многочисленных аллюзий в «Повестях Белкина»: сюжет о соблазнении простой девушки богатым юнцом стоит в основании «Станционного смотрителя» и «Барышни-крестьянки», образ Лизы сложно преломляется в тексте «Пиковой дамы». Интересно отметить, что Лиза, наряду с Машей, – одно из наиболее популярных имен в прозе Пушкина¹⁴.

Повесть Пушкина «Барышня-крестьянка», завершающая цикл «Повестей Белкина», во многом опирается на переосмысление истории Лизы Карамзина¹⁵. «Открытие потенциаль-

ного пространства «Лизина» текста, сопровождаемое сложной игрой притяжений и отталкиваний, было сделано Пушкиным с сознательной ориентацией на «Бедную Лизу»¹⁶. Связь с текстом Карамзина в тексте Пушкина многопланова, однако важнейшим является мотив намеренного повторения истории бедной Лизы, только со счастливым концом, в истории дворянской девушки, «частично имитировавшей карамзинскую коллизию и в результате вышедшей замуж за дворянина»¹⁷. Таким образом, при повторении имени фабулы произведений находятся в отношении только частичного параллелизма, и в целом в произведении Пушкина происходит демифологизация образа «крестьянки, которая тоже любить умеет».

Начиная с заглавия повести и эпиграфа к ней из Богдановича: «Во всех ты, Душенька, нарядах хороша», – обнаруживается «литератур-

14 Соловьева Е.В. Номинация лица в прозаических произведениях А.С. Пушкина: дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 2006. – С. 154.

15 Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет. – М., 1995. – 511 с., Павлова О. «Бедная Лиза» Карамзина и «Барышня-крестьянка» Пушкина // Литература – приложение к газете «Первое сентября». – 2001. – № 2. – С. 13; Магазаник Э.Б. Ономапоэтика, или «говорящие имена» в литературе. – Ташкент:

Фон, 1978. – 146 с., Сапченко Л.А. Судьба «Бедной Лизы» // Филологические науки. – 2002. – № 5. – С. 53-63.

16 Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет. – М., 1995. – С. 476.

17 Горнакова Л.Ю. Аллюзивный русский поэтоним Лиза: опыт интертекстуального и лингвокультурологического анализа: дисс. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2010. – С. 83.

ная» разноликость героини, «карамзинское слово» как предмет игры с ним представлено в тексте в большей мере¹⁸. Если заглавие повести Карамзина содержит в свернутом виде идею всего текста, то название повести Пушкина «Барышня-крестьянка» соотносено с многоплановостью текста повести: «характеристика Лизы Муромской как барышни-крестьянки является ключом к пониманию произведения в целом и говорит не только о затеянной юной героиней игре, но и о ее самобытной натуре, способной к быстрому перевоплощению»¹⁹.

Первый набросок Пушкина к сюжету «Барышни-крестьянки» уже отражает двойственность его героини. 3 марта 1830 г. в его записной книжке появляется рисунок во весь лист девичьей фигуры в полный рост, изображающий барышню на прогулке, внизу листа два идентичных женских профиля, соединенных вместе (наподобие двуликого Януса), на одном из них слегка намечен венок из цветов;

18 Мосалева Г.В. Особенности повествования: От Пушкина к Лескову: дисс. ... докт. филол. наук. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. – С. 73.

19 Соловьева Е.В. Номинация лица в прозаических произведениях А.С. Пушкина: дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 2006. – С. 130.

написанная сверху фраза гласит: «В одной из южных губерний наших»²⁰.

Образ «барышни-крестьянки» – традиционный персонаж французской, немецкой и русской литературы второй половины XVIII – начала XIX века. Сопоставление этого образа с «Душенькой», которая, даже «пастушкой сидя у шалаша, чудом света оставалась», еще более обостряет его литературную традиционность. Это самая «костюмная», театрализованная новелла цикла²¹. В.В. Виноградов замечает, что «мысли героя и героини насквозь пронизаны литературными отражениями. Алексей мыслит и чувствует согласно сентиментальному амплу барина, увлекшегося бедною крестьянкою Акулиной, а Лиза думает и переживает, как романтическая героиня в духе Вальтер-Скотта»²².

Причиной иронизирования Пушкина над классической сюжетной схемой было его глубокое понимание природы человека, которое не вмещалось «в наивно рационалистические

20 Летопись жизни и творчества Александра Пушкина в 4 томах. – Т. 3. 1829–1832. – М.: Слово, 1999. – С. 158.

21 Мосалева Г.В. Особенности повествования: От Пушкина к Лескову: дисс. ... докт. филол. наук. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. – С. 74.

22 Виноградов В.В. Стиль Пушкина. – М., 1941. – С. 557.

схемы «добра» и «зла»²³. Кроме того, выводя сюжет из плоскости драмы в комедийную и счастливую, Пушкин проверяет умение читателя радоваться чужому счастью, а не сопереживать горю: «Сочувствие счастью предполагает вполне благородную и вполне незаинтересованную душу»²⁴.

Герои, еще продолжая жить в мире образов, положений и событий сентиментальной повести или драмы, в сущности, лишь разыгрывают литературные роли, которые им, особенно героине, становятся узки, тесны²⁵. «И Лиза, и Алексей Берестов, и их отцы, и мисс Жаксон по разным причинам играют те или иные роли. Но для главной героини это *игровая правда*, которая помогает раскрытию в ней не ложного, но истинного начала, а Алексей Берестов под ее влиянием освобождается от модной маски романтической мрачности»²⁶.

23 Гиппиус В. В. Повести Белкина // Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока / Отв. ред. Г. М. Фридендер. – М., Л.: Наука, 1966. – С. 19.

24 Цит. по: Гиппиус В. В. Повести Белкина // Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока / Отв. ред. Г. М. Фридендер. – М., Л.: Наука, 1966. – С. 21.

25 Виноградов В.В. Стиль Пушкина. – М., 1941. – С. 551-552.

26 Кулыгина А.Г. Поэтика портрета в «Повестях Белкина» А.С. Пушкина: авторе-

Литературные отсылки не просто являются способом иронизирования над традицией. В.Шмид убедительно пишет о принципах интертекстуальности у Пушкина: «Пушкин подсказывает восполнение лакун по инерции литературы, но это он делает только с тем, чтобы читатель его потом опровергал и искал более убедительное объяснение. Таким образом, Пушкин заставляет читателя открыть пространство для новых, совсем неожиданных мотивировок. Этот прием выражает одну из центральных мыслей имплицитной философии Пушкина. Мотивы человека – тайна, а эта тайна допускает не только одну разгадку. Жизнь не поддается заданным объяснениям, а оказывается неожиданнее всех литературных выдумок. Правда существует вне схемы, она не повторяется»²⁷.

Образ бедной Лизы, обыгранный в комедийном плане в «Барышне-крестьянке», был впоследствии более сложно художественно трансформирован Пушкиным в «Пиковой даме».

ферат дисс. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2008. – С. 13.

27 Шмид В. Нарратология Пушкина // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования / Под ред. Дэвида М. Бетеа, А. Л. Осповата, Н. Г. Охотина и др. – М., 2001. – С. 311.

В.Н. Топоров замечал, что «Пиковая дама» недвусмысленно и на разных уровнях отсылает к «Бедной Лизе»²⁸. Лизавета Ивановна пушкинской повести – *бедная*, как и Лиза у Карамзина (тоже Лизавета Ивановна). Пушкин не раз связывает свою героиню с темой бедности: «...кому и знать горечь зависимости, как не бедной воспитаннице знатной старухи?»; «она уходила плакать в бедной своей комнате...»; «Бедная воспитанница» и т.д. Интересно отметить, что романтическое знакомство Лизы и Эраста и знакомство Лизаветы Ивановны и Германна начинается со схожей сцены: молодой человек видит девушку в окне. Упоминание в тексте «романов об утопленниках» также актуализирует интертекстуальные связи «Бедной Лизы» и «Пиковой дамы».

Образ Лизаветы Ивановны, подаваемый то в виде несобственно-прямой речи, то в виде слов автора, то в виде иронически-отстраненной речи, отличается размытостью черт, ее место в структуре повести нечетко обозначено: «Есть ощущение даже сознательной недоконченности, некоторой «незамкнутости» образа»²⁹.

28 Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет. – М., 1995. – С. 496.

29 Виноградов В.В. Стиль Пушкина. – М., 1941. – С. 606.

Образ герменевтически открыт и вызывает к истолкованию – как и сюжет Лизы-Акулины, в котором сентиментальная коллизия противоречит жизненной правде. Как и в истории барыни-крестьянки, здесь оказывается налицо сюжетная иллюзия: если история Акулины оборачивается из сентиментальной повести в комедию переодеваний, то история Лизаветы Ивановны из романтического романа в письмах становится рассказом об одержимости Германна игрой.

Но еще более серьезное преобразование сюжета ждет читателя в конце повести, когда после всех потрясений Лизавета Ивановна перестает быть приживалкой, получает новую социальную роль: выходит замуж за сына бывшего управителя старой графини, обеспеченного человека; кроме того, «У Лизаветы Ивановны воспитывается бедная родственница». Эта фраза закольцовывает сюжет унижения: Пушкин дает намек, что скромная и милая, обижаемая и унижаемая, чувствующая девушка может сама стать своего рода старой графиней, своего рода *Пиковой дамой*.

Этот оборот сюжета, тем более угрожающий и мрачный, что достаточно реалистичный, не был по вкусу читающей публике, все еще оста-

вавшейся под обаянием *бедной Лизы*; недаром в либретто оперы «Пиковая дама» героиня, как и Лиза Карамзина, кончает с собой.

Лиза как героиня прозы И.С. Тургенева

Продолжатель пушкинской традиции в русской классической прозе, И.С. Тургенев, также использовал имя Лиза для главной героини своего романа «Дворянское гнездо». Изначально Тургенев планировал назвать роман «Лиза»: в письме к английскому переводчику «Дворянского гнезда» В.Рольстону Тургенев сообщал: «Я нахожу, что заглавие „Лиза“ очень удачное, тем более, что название „Дворянское гнездо“ – не совсем точное и было выбрано не мной, а моим издателем»³⁰.

Литературоведы сходятся на том, что Лиза – любимая героиня Тургенева. «В ее образе писатель воплотил все добродетели, которые только могут быть в человеке, и удалил все изъязны и пороки, присущие женщинам. первый раз в литературе появляется такой символ образованности

и духовной чистоты»³¹. Образ Лизы отличается идеалистичностью, в то же время он явно интертекстуален; по верному замечанию Анненкова, «Вся литературная деятельность Тургенева может быть определена как длинный, подробный и поэтически объясненный реестр идеалов, какие ходили по русской земле, между разнородными слоями ее образованного и полуобразованного населения, в течение тридцати лет...»³², и Лиза Калитина – важное звено в этом «реестре» идеальных образов.

В романе Тургенева Лиза, подобно героине Карамзина и Лизавете Ивановне, не находит счастья в любви, которая казалась взаимной. Ее возлюбленный женат и примиряется с неверной женой; уход Лизы в монастырь – ответ Тургенева на нравственные поиски, которые привели Лизы Карамзина к самоубийству, а жизнь Лизаветы Ивановны замкнули в порочный круг. В романе все «кончилось неудачей, разъединени-

30 Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. – М.: Наука, 1981. – Т. 6. – С. 377.

31 Степанов Е.Г. Романы И.С. Тургенева в русской повествовательной литературе 1850-х-начала 1860-х годов: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2006. – С. 17.

32 Впервые: «Вестник Европы», 1880, № 5, с. 30; цит. по: Батюто А.И. Тургенев-романист. – Л.: Наука, 1972. – С.3.

ем – добровольным с обеих сторон, личной катастрофой, принятой как неизбежное, от Бога исходящее <...> и потому требующее самоотречения и смирения»³³; но вариант трагического расставания согласно долгу больше отвечает традиционному, «идеальному» христианскому мировоззрению и ожиданиям читателя, чем судьбы Лизы Карамзина и героини «Пиковой дамы» Пушкина.

Лиза как героиня текста русской литературы конца XIX века

Ограничимся кратким перечнем наиболее значимых образов Лизы, которые формировали «Лизин» текст во второй половине XIX века. Это Лиза Протасова из неоконченной драмы Л.Н. Толстого «Живой труп»; «маленькая княгиня» Лиза Волконская из «Войны и мира»; Лизавета Александровна из «Обыкновенной истории» И.А.Гончарова.

Особенно много Лиз среди героинь Достоевского, в произведениях которого встречаются многочисленные реминисценции из «Бедной Лизы»: Лиза в «Слабом сердце», в

³³ Топоров В.Н. Странный Тургенев. – М., 1998. – С. 92.

«Записках из подполья»; Лизавета Ивановна и Лавиза Ивановна в «Преступлении и наказании»; Лизавета Прокофьевна Епанчина в «Идиоте», Лизавета Николаевна Тушина и Лизавета Блаженная в «Бесах», Лизавета Смердящая в «Братьях Карамазовых», Лиза в «Вечном муже». У Достоевского «Лизин» текст обогащается новым сюжетом: «большинство героинь с именем Лиза являются невинными жертвами, страдальцами, часто – сиротами и жертвами тирании. И имя Лиза зачастую становится знаком жертвы и сиротства...»³⁴.

Заключение

Девушка по имени Лиза стала одним из сквозных образов русской литературы. Имя Лизы со времен «Бедной Лизы» стало знаком эпохи сентиментализма. Главные черты образа Лизы – умение любить искренне и сильно, несмотря на сословные препятствия, пылкость и горячность. Повесть Пушкина «Барышня-крестьянка», завершающая цикл «Повестей Белкина», во многом опирается на переосмысле-

³⁴ Горнакова Л.Ю. Аллюзивный русский поэтоним Лиза: опыт интертекстуального и лингвокультурологического анализа: дисс. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2010. – С. 79.

ние истории Лизы Карамзина; но литературные роли тесны героям, жизнь шире и правдивее схем. Образ *бедной Лизы* более сложно художественно трансформирован Пушкиным в «Пиковой даме». Сообщая в конце повести, что у благополучно вышедшей замуж героини воспитывается бедная родственница, Пушкин дает намек, что девушка может сама стать своего рода старой графиней, своего рода

Пиковой дамой. Героиня Тургенева Лиза Калитина обладает цельным характером и сильной волей, она занята мыслями о самосовершенствовании; вместе с тем ее гнетет чувство вины за несовершенство жизни, и она уходит в монастырь «отмаливать грехи отцов». Лиза Калитина отмечена русской ментальностью; для нее самоубийство табуировано, и внутреннюю свободу она находит в самопожертвовании.

Библиография

1. Батюто А.И. Тургенев-романист. – Л.: Наука, 1972. – 394 с.
2. Вайль П., Генис А. Наследство “Бедной Лизы”. Карамзин // Вайль П., Генис А. Родная речь. – М., 1991. – С. 8-15.
3. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. – М., 1941. – 620 с.
4. Гиппиус В. В. Повести Белкина // Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока / Отв. ред. Г. М. Фридендер. – М., Л.: Наука, 1966. – С. 7–45.
5. Горнакова Л.Ю. Аллюзивный русский поэтоним Лиза: опыт интертекстуального и лингвокультурологического анализа: дисс. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2010. – 229 с.
6. Карпенко Ю.А. Пушкинский ономастикон. Повести Белкина // Русское языкознание. Вып. 2. – Киев, 1981. – С. 80-87.
7. Кулыгина А.Г. Поэтика портрета в “Повестях Белкина” А.С. Пушкина: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2008. – 21 с.
8. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина в 4 томах. – Т. 3. 1829–1832. – М.: Слово, 1999. – 624 с.
9. Лотман Ю. Сотворение Карамзина. – М.: Книга, 1987. – 336 с.
10. Магазаник Э.Б. Ономапоэтика, или «говорящие имена» в литературе. – Ташкент: Фон, 1978. – 146 с.

11. Мосалева Г.В. Особенности повествования: От Пушкина к Лескову: дисс. ... докт. филол. наук. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. – 272 с.
12. Павлова О. «Бедная Лиза» Карамзина и «Барышня-крестьянка» Пушкина // Литература – приложение к газете «Первое сентября». – 2001. – № 2. – С. 13
13. Розова З.Г. «Новая Элоиза» Руссо и «Бедная Лиза» Карамзина // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. – Л.: Наука, 1969. – С. 259-268.
14. Сапченко Л.А. Судьба «Бедной Лизы» // Филологические науки. – 2002. – № 5. – С. 53-63.
15. Соловьева Е.В. Номинация лица в прозаических произведениях А.С. Пушкина: дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 2006. – 251 с.
16. Степанов Е.Г. Романы И.С. Тургенева в русской повествовательной литературе 1850-х-начала 1860-х годов: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2006. – 24 с.
17. Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет. – М., 1995. – 511 с.
18. Топоров В.Н. Странный Тургенев. – М., 1998. – 192 с.
19. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. – М.: Наука, 1981. – Т. 6. – 430 с.
20. Шмид В. Нарратология Пушкина // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования / Под ред. Дэвида М. Бетеа, А. Л. Осповата, Н. Г. Охотина и др. – М., 2001. – С. 300–317.

***Lisa* as one of through images of the Russian classical literature (XVIII – XIX c.)**

Golovchenko Galina Aleksandrovna

Competitor, Chair of Russian and literature theory,

Moscow State Linguistic University,

P.O. Box 119034, Ostozhenka st., 38, Moscow, Russia;

e-mail: galka_85@inbox.ru

Abstract

The image of *Lisa* as a heroine of the Russian classical literature of the XVIII – XIX cc. is considered in an article. Having considered an origin and literary genealogy of the heroine *Lisa* (*Elisa*, *Louise*), the author passes to the most significant images of Lisa in prose of the considered period: image of *Poor Lisa* by N.M. Karamzin, *Lisa-Akulina* (*The Squire's Daughter*) and *Lizaveta Ivanovna* (*The Queen of spades*) by A.S. Pushkin, *Lisa Kalitina* from I.S. Turgenev's novel *Home of the Gentry*.

Lisa's name since N.M. Karamzin's novel *Poor Lisa* became a sign of an era of sentimentalism. The main lines of Lisa image – ability to love sincerely and strongly, despite class obstacles, ardency and fervor. A.S. Pushkin's story *The Squire's Daughter* finishing a cycle of *The Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin*, in many respects relies on reconsideration of history of Karamzin's Lisa; but literary roles are close to heroes, life is wider and more truthful than schemes. The image of poor Lisa is more difficult transformed by Pushkin in *The Queen of spades*. Reporting at the end of the story (a safely married heroine brought up the poor relative), Pushkin gives a hint that Lisa can become herself some kind of old countess, some kind of Queen of spades. The Turgenev's heroine *Lisa Kalitina* (*Home of the Gentry*) possesses integral character and strong will, she is occupied with thoughts of self-improvement; at the same time she is oppressed by sense of guilt for imperfection of life, and she goes to the monastery "to pray for forgiveness of sins of fathers". *Lisa Kalitina* is marked out by the Russian mentality; suicide is tabooed for her, and she finds best freedom in self-sacrifice.

The author comes to a conclusion that after Karamzin's story Lisa found in the Russian literature both a certain character, and a social status, and, the most important, a subject role: the girl who doesn't find a happy love.

Keywords

Lisa, Elizabeth, Lisa's text, classical Russian literature, sentimentalism, intertext.

References

1. Batyuto, A.I. (1972), *Turgenev-romanist* [*Turgenev as a novelist*], Leningrad, 394 p.

2. Vail', P., Genis, A. (1991), "Nasledstvo "Bednoi Lizy". Karamzin" ["*Poor Lisa's inheritance. Karamzin*"], in Vail', P., Genis, A. *Rodnaya rech'* [*Native speech*], Moscow, pp. 8-15.
3. Vinogradov, V.V. (1941), *Stil' Pushkina* [*Pushkin's style*], Moscow, 620 p.
4. Gippius, V. V. (1966), "Povesti Belkina" ["The Tales of Belkin"], in Gippius, V. V. *Ot Pushkina do Bloka* [*From Pushkin to Blok*], Moscow, Leningrad, pp. 7–45.
5. Gornakova, L.Yu. (2010), *Allyuzivnyi russkii poetonim Liza: opyt intertekstual'nogo i lingvokul'turologicheskogo analiza* [*Allusive Russian poetonym Lisa: experience of intertext, linguistic and cultural analysis*], Dissertation thesis, Ivanovo, 229 p.
6. Karpenko, Yu.A. (1981), "Pushkinskii onomastikon. Povesti Belkina" ["Pushkin's names. The Tales of Belkin"], *Russkoe yazykoznanie*, No 2, Kiev, pp. 80-87.
7. Kulygina, A.G. (2008), *Poetika portreta v "Povestyakh Belkina" A.S. Pushkina* [*Poetics of a portrait in The Tales of Belkin by A.S. Pushkin*], author's abstract of dissertation thesis, Nizhnii Novgorod, 21 p.
8. *Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina* (1999) [*The chronicle of life and creativity of Alexander Pushkin*], in 4 vol., vol. 3.: 1829–1832, Moscow, 624 p.
9. Lotman, Yu. (1987), *Sotvorenie Karamzina* [*Karamzin's creation*], Moscow, 336 p.
10. Magazanik, E.B. (1978), *Onomapoetika, ili "govoryashchie imena" v literature* [*Onomapoetics, or "speaking names" in literature*], Tashkent, 146 p.
11. Mosaleva, G.V. (1999), *Osobennosti povestvovaniya: Ot Pushkina k Leskovu* [*Features of a narration: From Pushkin to Leskov*], Dissertation thesis, Ekaterinburg, 272 p.
12. Pavlova, O. (2001), ""Bednaya Liza" Karamzina i "Baryshnya-krest'yanka" Pushkina" ["*Poor Lisa* by Karamzin and *The Squire's Daughter* by Pushkin"], *Literatura (Pervoe sentyabrya)*, № 2, p. 13.
13. Rozova, Z.G. (1969), ""Novaya Eloiza" Russo i "Bednaya Liza" Karamzina" ["*New Eloiza* by Russo and *Poor Lisa* by Karamzin"], in *Derzhavin i Karamzin v literaturnom dvizhenii XVIII – nachala XIX veka* [*Derzhavin and Karamzin in the literary movement of XVIII – the beginnings of the XIX century*], Leningrad, pp. 259-268.
14. Sapchenko, L.A. (2002), "Sud'ba "Bednoi Lizy"" ["*Poor Lisa's destiny*"], *Filologicheskie nauki*, No 5, pp. 53-63.

15. Solov'eva, E.V. (2006), *Nominatsiya litsa v prozaicheskikh proizvedeniyakh A.S. Pushkina* [*Nomination of the person in A.S. Pushkin's prose*]: Dissertation thesis, Kazan', 251 p.
16. Stepanov, E.G. (2006), *Romany I.S. Turgeneva v russkoi povestvovatel'noi literature 1850-kh-nachala 1860-kh godov* [*I.S. Turgenev's novels in the Russian narrative literature of the 1850s – the beginnings of the 1860s*]:author's abstract of dissertation thesis, Moscow, 24 p.
17. Toporov, V.N. (1995), *"Bednaya Liza" Karamzina: Opyt prochteniya: K dvukhsotletiyu so dnya vykhoda v svet* [*Karamzin's Poor Lisa: An experience of reading: To the two-hundredth anniversary from the date of issue*], Moscow, 511 p.
18. Toporov, V.N. (1998), *Strannyi Turgenev* [*Strange Turgenev*], Moscow, 192 p.
19. Turgenev, I. S. (1981), *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [*Complete works and letters*], in 30 vol., Moscow, 430 p.
20. Shmid, V. (2001), "Narratologiya Pushkina" ["Pushkin's narratology"], in D. M.Betea, A. L. Ospovat, N. G. Okhotin, *Pushkinskaya konferentsiya v Stenforde, 1999: Materialy i issledovaniya* [*Pushkin conference in Stanford, 1999: Materials and researches*], Moscow, pp. 300–317.